

Крохотная деревушка, залитая солнечным светом, все равно выглядела мрачноватой и нежилой.

Такие поселения в полосе Фронттира не редкость. За долгое время, насыщенное передрягами, численность населения там практически не меняется. Силуэты восьмидесяти — или около того — домишек деревни колыхались в теплом мареве. Черная земля уже поглотила последние крохи ноздреватого снега. Весна близилась.

И все же деревня была мертва.

Открытые настежь двери из крепкого пластика и распахнутые тяжелые ставни покачивал слабый ветерок. На общественной кухне, где с наступлением вечера должны звенеть голоса женщин и детишек, сейчас танцевала лишь пыль.

Чего-то тут не хватало. Чего именно?

Людей.

Большинство домов оставались в полном порядке — никаких следов борьбы, ни малейшего признака вторжения. Заглянув в окна, можно было увидеть в гостиных перевернутые стулья. А в одной спальне простыни на кровати были скомканы, словно кто-то поднялся, потревоженный чем-то пустячным. И ушел — чтобы никогда уже больше не вернуться.

На полах этого дома чернели маленькие пятна — не больше подушечки мизинца. Их можно было бы принять за клочки шерсти собаки или кошки. Пятнышки не привлекали внимания. А впрочем, чье внимание они могли бы привлечь?

Вечерело, белый свет солнца уже приобрел тусклый голубоватый оттенок: ветер, метущий пустынные улицы, стал настойчивее; и вместе с сумерками в деревню вторглось нечто злое — словно тени столпились в сгущающемся полумраке, ища налитыми кровью глазами случайных путников, что вошли бы в широко распахнутые ворота.

Время шло. На мостовых растянулись длинные тени. Со стороны въезда в деревню по камням прогремели подкованные копыта, заскрипели колеса по выщербленным колеям.

Автобус и трое всадников остановились перед одной из сторожевых башен у самых ворот.

Такие автобусы, движимые атомной энергией, служили во Фронттире средством сообщения, но этот подвергся ряду модификаций: окна перечеркнули железные решетки, а впереди было прикреплено нечто вроде плуга. Прямо скажем, этот транспорт не подходил для простых честных людей.

А еще автобус был черным, угольно-черным, что отлично гармонировало с мрачным видом троицы застывших рядом всадников.

— В чем дело, черт побери? — спросил человек справа.

В черной рубахе и черных же кожаных штанах, со свирепым лицом и необычайно длинным торсом, он где угодно выделялся бы из толпы.

— Не похоже, чтобы наш клиент спешил нас встретить, — поддержал товарища всадник слева.

Губы его кривила улыбка, но в узких глазах брезжил страшный огонь, грозящий спалить все

вокруг. Над плечом всадника возвышался шестигранный жезл, отчего тень человека казалась пронзенной насквозь.

Словно по команде, пара повернула головы в сторону стоящего между ними гиганта, еще более внушительного, чем они сами. Его тело по пояс защищали доспехи из стали и кожи, не скрывающие горы четко очерченных мускулов. Лицо великана походило на гранитную глыбу, отрастившую бакенбарды; он казался могучим, как медведь. Да и медведь, наскочи он на этого человека во тьме, в страхе попятился бы. Ветер стиснул его в бесплотных объятиях и полетел прочь, неся звериный запах.

— Похоже, все сгинули, — равнодушно буркнул великан. — Вся чертова деревня скапутилась в одну ночь — а мы, похоже, потеряли курицу, несущую золотые яйца. Ладно, для порядка проверим несколько домов. Смотрите в оба.

— Я не в восторге от этой идеи, — откликнулся человек в черном. — Может, пошлем Грова? Для него это... — Он осекся под тяжелым взглядом гиганта: так камень мог бы смотреть на человека. — Я... э-э-э... шучу, шучу, братец.

Не только разница в телосложении заставила мужчину в черном побледнеть — похоже, он по-настоящему боялся своего спутника. Быстро спешившись, он вместе с товарищем скользящей походкой двинулся в деревню.

Заскрипела дверь автобуса, и в щели показалось лицо светловолосой девушки, сидящей на месте водителя.

— Что случилось, Боргов? — спросила она.

На вид ей было не больше двадцати трех, и она была подобна распустившемуся цветку, но что-то в ее очаровании наводило на мысль о хищном насекомом — прекрасном и смертоносном.

— Деревня пуста. Держи ухо остро, — отчеканил великан. И тут случилось невероятное — его голос внезапно смягчился: — Как там Гров?

— Сейчас неплохо. В ближайшее время, надеюсь, припадка не будет.

Непонятно, услышал гигант ответ девушки или нет. Он даже не кивнул, продолжая взирать на безмолвные ряды домов, иногда вскидывая взгляд к бледному, точно старая кость, небу. Полная луна уже показала перламутровые бока.

— Облака сейчас не помешали бы.

Едва он пробормотал это, на улице показались двое. Они мчались так, словно оседлали ветер.

— Как мы и думали. Ни живой души, — доложил человек в черном.

Обладатель шестигранного жезла посмотрел на небо:

— Солнце скоро сядет. Держу пари, лучшее, что мы можем сделать, это сровнять проклятый городишко с землей, и как можно скорее, парни. — С этими словами он указал на что-то вдали.

Очевидно, сквозь сумрак великан легко разглядел крохотное черное пятнышко, на которое указывал его спутник.

— На кладбище, — уронил он.

На мгновение остальные нахмурились, но тотчас же, ухмыльнувшись, легко вскочили на спины своих лошадей и смело погнали скакунов по деревенским улицам, погруженным в мертвенное спокойствие.

Так что же произошло в деревне?

Внезапное исчезновение всего населения какого-нибудь городишки не считалось во Фронтире такой уж редкостью. К примеру, каждые двадцать лет в среде подобных аэростатам хищных чудовищ, известных как летающие медузы, рождались необычайно крупные экземпляры. Бестия около мили с четвертью в диаметре накрывала деревню целиком и избирательно растворяла все живое, прежде чем всосать лакомую пищу в утробу.

А еще были василиски. Магическим существам, обитающим, по слухам, только в глубоких горных ущельях, достаточно было просто ждать у входа в поселок, пристально глядя в определенную точку. Единственный громадный глаз медленно разгорался красным и выпускал наконец алый луч, после чего люди, один за другим, выходили из домов, шагая напрямик в разинутую голодную пасть. Впрочем, василиски обладали одной слабостью: если вдруг один из загипнотизированных, прощаясь с семьей, употреблял определенные — всегда одни и те же — слова, народ, услышав условную фразу, набрасывался на василиска всем скопом.

Однако наиболее вероятной причиной исчезновения всех до единого жителей деревни являлась самая известная, а равно и самая ужасная угроза.

Когда какой-нибудь счастливый странник чудом избегал общей незавидной участи и приносил известие о подобном жутком происшествии, людям казалось, что они слышат шаги своих темных, предположительно давным-давно исчезнувших, властелинов, все-таки задержавшихся на земле. Хозяев тьмы — вампиров.

Прибыв на кладбище, расположенное на окраине городка, трое всадников и автобус остановились. Не далее чем в пятистах ярдах от леса тянулись ряды поросших мхом надгробий. Пространство между ними мало-помалу заполнял сгущающийся мрак.

Внушающая страх троица, внимательно озираясь, поскакала вперед. И застыла в глубине леса, там, где деревья угрожали опрокинуть надгробия. Здесь кто-то вывернул из почвы огромный ком, обнажив красную глину. Казалось, это взбесившийся подземный демон, охваченный желанием убивать, вырвался на свободу. В воздухе витала угроза. Ощущение присутствия чего-то зловещего было столь сильно, что спутники великана оцепенели в седлах, а сам гигант нервно сглотнул, да так, что его адамово яблоко ударилось о подбородок.

Что же скрывала эта изувеченная земля?

Окаменевшие всадники осматривали пространство в поисках источника «излучения».

И тут они услышали какой-то глухой звук.

Нет, не звук, а скорее голос. Протяжный, негромкий стон, мучительный и отчаянный, словно всхлип скрученного приступом больного, пронесся над страшным местом.

Мужчины не шевелились.

Призрачная аура сковывала их по рукам и ногам. Но совершенно заморозил их этот стон, доносившийся из автобуса. Однако девушка сказала, что припадка не будет. Должно быть, жуткая атмосфера, царящая здесь, заставила ее солгать. Или, возможно, крики, вне

зависимости от породившей их болезни, вызвало предчувствие неизбежного, что извечно тревожит людские души.

А несколько секунд спустя, словно в ответ на загадку, из-за массивного ствола дерева вышел незнакомец.

Похожий на привидение, он, пошатываясь, прошел по глинистой почве и остановился шагах в тридцати от людей.

Силуэт на фоне мерцающего серебристого лунного диска принадлежал мужчине лет пятидесяти. Благородная внешность, белоснежные волосы, точно светящиеся сами собой, — любой принял бы этого человека за деревенского старосту. Однако от взглядов знатоков не уклонились бы две черты в поведении старика, черты как нельзя более тревожные.

Левой рукой мужчина придерживал у горла поднятый ворот пиджака, одновременно предплечьем прижимая полу к груди, а ладонью правой прикрывал рот. Словно пряча зубы.

— Спасибо за приход, — произнес старик. Голос его казался болезненным, словно человек сдерживал тошноту. — Спасибо за приход... но уже слишком поздно... В деревне не осталось ни одной живой души, о которой не позаботились бы, как обо мне. Но...

Прибывшие грозные гости наверняка заметили, что старик, когда говорил, не смотрел на них.

Там, куда селянин устремил неподвижный и мутный, точно у дохлой рыбы, взгляд, не было ничего. Лишь длинные ряды деревьев убежали во внезапно сгустившуюся тьму.

— Скорее, за ним. Он... он увез мою дочь. Пожалуйста, скорее, ее нужно вернуть... Или, если она уже стала одной из них... прошу, пусть смерть ее будет быстрой...

Старик умолял о последней милости надтреснутым, дрожащим голосом. Лицо его по-прежнему было обращено не к приезжим мужчинам, а к бреши между деревьями. Зрелище было не из приятных, особенно для тех, кого со всех сторон окружает зловещий мрак.

— Он преследовал мою дочь довольно долго. Раз за разом пытался забрать ее. Я его прогонял. Но прошлой ночью он все-таки показал клыки... Взял одного из нас, а остальные попадали сами, точно костяшки домино... Молю, спасите мою дочь от этой проклятой судьбы. Вчера ночью он... двинулся на север. Если поторопиться, время, возможно, еще не потеряно... Если сможете освободить мою дочь, скорее в Гальюшу. Там живет моя младшая сестра. Она заплатит десять миллионов даласов, обещаю... Умоляю...

В этот момент груда земли за спиной старика зашевелилась.

Невысокий курган внезапно вспучился, и из суглинка высунулась бледная пятерня, похожая на цветок под названием «рука мертвеца», распускающийся лишь по ночам, но тем не менее самая настоящая.

Утробное рычание огласило лес, в нем клекотала злоба — и жажда. Неутолимая жажда крови, которой суждено терзаться вечно.

Разбрасывая черные комья, одно за другим из земли поднимались тела, принадлежавшие селянам, за одну проклятую ночь превращенным в вурдалаков.

Выглядели они почти как при жизни, разве что лица их были тронуты болезненной восковой

бледностью, но когда свет луны касался их кожи, тела загорались зловещим голубым светом.

Здесь были дородные мужчины. И элегантные женщины. И девушки в легких платьицах. И мальчишки в коротких штанишках. Почти пять сотен пар налитых кровью сверкающих глаз взирали на пришельцев, почти пять сотен ртов плотоядно оскалились. Упыри даже не удосужились стряхнуть грязь, прилипшую к их головам и плечам.

— Ох, теперь уже слишком поздно. Нас надо убить — и прочь отсюда... Ночь наступила... Я становлюсь... — Старик опустил левую руку, обнажив раны у основания шеи, точно такие же, как и у остальных селян.

Когда опустилась рука старика, отвисли челюсти приезжих.

— Ого, становится интересно, — напряженно — что неудивительно — выдавил человек в черном, потянувшись к висящим на его поясе клинкам-полумесяцам.

Эти слова словно разорвали пелену морока, и мужчина с шестигранным посохом выхватил оружие.

Старик ринулся вперед. Толпа упырей двинулась за ним.

— Живо!

Словно только того и дожидаясь, человек в черном пришпорил своего скакуна. Всадник с жезлом последовал за товарищем, а гигант остался на месте.

Головы нескольких вурдалаков гнилыми арбузами раскололись под ударами конских копыт — раненые падали, и животные топтали их.

— Чего ждете, уроды? Идите получите свое! — Вместе с криком человека в черном в воздух взлетели ловко отрубленные головы слишком близко подступивших упырей.

Мгновение — и серебряная молния прочертила дугу, лишив голов следующий ряд. Даже свежееиспеченные вурдалаки вроде этих знали, что нельзя терять головы и мозги, но сейчас они просто валились на землю, расплескивая серое вещество, изливая фонтаны крови.

Столь эффективную работу демонстрировал один из клинков человека в черном: лезвие примерно фут в диаметре, формой напоминающее полумесяц. Заточенное до остроты бритвы оружие среди воинов Фронтира было известно как клинок-серп. К его рукоятке обычно крепился темляк из проволоки или шнура, и владелец имел возможность создавать вокруг себя своего рода зону безопасности, вращая серп на удобном ему расстоянии от себя и держа таким образом врагов поодаль. Обращение с подобным оружием требовало долгих и упорных тренировок, так что лишь немногие особо умелые и ловкие бойцы пользовались им.

Однако сейчас человек в черном держал клинок обеими руками, раз за разом рисуя великолепные серебряные дуги. Лезвие волшебным образом оказывалось сразу везде — слева и справа, сверху и снизу, реагируя на малейшие изменения вражеских позиций. В сущности, тела всех горожан после молниеносных атак серпа оказывались рассечены под совершенно разными и немислимыми углами. Из тех, на кого упал взгляд мужчины, никто не избежал удара.

Станный звук, совершенно не похожий на свист клинка-полумесяца, издавал шестигранный посох. На обоих концах жезла имелись острые шипы. Обычно жезл использовался на манер

булавы. Схожим образом действовал и хозяин оружия: так же, да не совсем. Вращая посох вокруг талии, он расплющил голову атакующего справа, перекатил оружие через спину и прикончил упыря, подбиравшегося слева. Прием занял меньше десятой доли секунды.

Но вдруг в мгновение ока четыре призрачные фигуры повисли в воздухе — слева и справа от мужчины с шестигранным жезлом, перед ним и позади него. Как-никак нечеловеческая сила, свойственная вампирам, дает определенные преимущества.

Человек с посохом нанес первый удар. Чему приписать дальнейшее — уж не магии ли?

В тот же миг, как раскололась седая голова старика справа, старуха впереди отлетела в сторону, лишившись нижней челюсти. И почти немедля острые концы посоха вонзились в сердца недругов слева и позади бойца.

Какой же немислимой мощи требовал этот жестокий прием? А ведь правая рука человека с шестигранным посохом словно бы и не двигалась, она даже не дрогнула, а жезл, казалось, вращался сам собой, будто по собственной воле уничтожая селян.

Да в человеческих ли силах такое?

И все же горожан было около пяти сотен. Даже мастерство пары воинов не удержало вурдалаков от атаки на автобус. Если уж начистоту, толпа упырей, не обращая внимания на мужчин, рвалась к автобусу.

Взвыл ветер — и немало кровопийц, хором завопив, рухнули наземь. И с каждым порывом ряды вурдалаков рассыпались, как бусины с разорванной нитки, — только чтобы вновь превратиться в ожерелье из уже неподвижных трупов, нанизанных на стрелы, выпущенные великаном.

Его лук был не из тех, что продаются в готовом виде в городской лавке. Согнутый тяжелый сук с тетивой из жил какого-то зверя, а содержимое колчанов, разместившихся на обоих боках и на спине гиганта, являло собой просто заостренные железные прутья.

Но в руках великана они становились снарядами, бьющими с непревзойденной меткостью.

Гигант выхватывал не по одной стреле, а по пять разом и выпускал их одновременно. И судя по скорости, ему не требовалось времени на прицеливание.

И все же ни одна стрела не пропала втуне. Более того, каждый прут пронзал сердца по меньшей мере трех горожан. Только так и следовало стрелять, поскольку известно, что рана в живот не убивает упыря. Но как у великана получалось выбирать цель и поворачивать лук быстрее, чем глаз успеваешь моргнуть?

Загадка осталась неразгаданной, даже когда перед автобусом выросла гора трупов.

Внезапно за спинами всадников раздался короткий вскрик, и женский голос предостерег:

— Дело худо. Отступайте!

Великан не успел отдать приказ — его спутники уже развернулись и бросились к автобусу.

Со звериным рыком селяне ринулись за ними. Дистанция стремительно сократилась до пятнадцати шагов. Внезапно тяжелый топот стих.

Между ними и автобусом неожиданно встал одинокий юноша.

Толпу остановило не столько его вмешательство, сколько то, что появился он словно бы из ниоткуда.

Волнистые пряди ниспадали на высокий лоб, касаясь бровей; на мужественном лице играл здоровый румянец, а ясные глаза взирали на скопище порождений ада без тени страха.

Вурдалаки, которых обескуражило внезапное появление юнца, видимо, посчитали его самой желанной добычей. Секунда — и они неудержимой волной хлынули к нему.

Темноту множеством пунктиров пронзили штрихи света.

Точно серебристые рыбки, выпрыгивающие из воды, вспышки метались вроде бы хаотично, но всякий раз с бесподобной точностью поражали сердце одного из упырей. Пятьсот вурдалаков оказались повержены в мгновение ока... Пламя вырывалось из их грудных клеток, и они падали, и корчились, и застывали с мирными лицами, возвращенными им смертью.

Из-за громады автобуса медленно высунулся мужчина с шестигранным посохом. Увидев гору трупов, он заметил:

— О-го-го, ну и задали им жару, — и одобрительно присвистнул, но тут же взглянул на одно из окон автобуса и встревоженно спросил: — А со стариной Гровом все в порядке?

На юношу, проделавшего всю работу, он даже не посмотрел. А тот, между прочим, уже успел исчезнуть. Так же загадочно, как и появился.

— Тут уж ничего не попишешь, а что сделано, то сделано, — заявил человек в черном, выходя из-за автобуса с другой стороны. — У нас есть работа. Тот тип сказал, что аристократ, похитивший его дочь, двинулся на север, верно? Если отправимся немедленно, то уж точно сумеем догнать их, братцы. Выследить и уничтожить. Десять миллионов, коли привезем девчонку в целости. Правда, он наверняка уже добился своего. И что с того? Нам ведь придется иметь дело с женщиной. Пригрозим ей, скажем, что отрубим девице голову, как и вампиру, — вот и превратим ее снова в человека. Ловушка захлопнется, и старушка расплатится.

За его спиной гигант пробормотал:

— Все было бы хорошо и замечательно, если бы старик говорил с нами.

— Ты это о чем?

Человек в черном обернулся, после чего перевел взгляд туда, куда смотрел великан, — в сторону чаши, раскинувшейся перед ними и чуть правее. Именно к этой точке был обращен неподвижный взор мертвого старика.

— Выходи!

И тотчас же в правой руке человека в черном сверкнул под луной клинок-серп, а шестигранный жезл его спутника рассек воздух.

Теперь эти двое поняли, что потусторонний холод, сковавший их вначале, не был делом рук старосты. Тот, кто источал его, скрывался в лесу. Люди крепче сжали оружие. Ветерок, сочащийся из зарослей, нес леденящий холод аристократов. Мужчины отчаянно старались не показать, что унижены, — как же, они ведь не заметили источник «излучения».

— Если ты не выйдешь, войдем мы. Судя по тому, как говорил с тобой старик, полагаю, специальность у нас одна. Черт, да ты, кажется, понадежнее нас. Если так, мы не натворим глупостей. Как насчет того, чтобы обсудить это десятиллионное дельце по-дружески?

Высказав предложение, великан подождал немного. Ни ответа, ни движения не последовало. Густые, похожие на мохнатых гусениц брови гиганта приподнялись.

— Братец, так будет быстрее.

Из руки человека в черном вылетел клинок-полумесяц. Неизвестно, из чего и как он был выкован, но серп принялся петлять меж деревьев, стремясь к точке, в которую всматривался великан В намерениях юного убийцы сомневаться не приходилось.

Раздался мелодичный звон, и серебряная молния понеслась обратно.

Двое мужчин, охнув, отпрыгнули в сторону, и серп со свистом пролетел мимо.

Взмах — и в правой руке гиганта оказался тот самый серп, который только что метнул человек в черном. Красный ручеек медленно пополз по блестящей поверхности. Из ладони великана толчками выплескивалась кровь. Наконец-то его каменное лицо отразило хоть какие-то эмоции — ярость и страх.

— Неплохо, — пробормотал мужчина с шестигранным посохом, пришпоривая своего коня.

Скакун даже не пошевелился.

Пятки всадника снова сдавили лошадиные бока, шпоры впились в шкуру, выступила кровь — и все же конь не сдвинулся с места.

Заметив наконец, что животное запугано до предела, человек с посохом прекратил истязать лошадь.

Дверь автобуса приоткрылась. Показалась девушка.

— Что происходит, мальчики?

Ощувив чужое присутствие, она сразу повернулась в сторону чащи. Точно так же, как и ее старшие братья.

«Присутствие» в гуще мрака пришло в движение. Послышался и приближающийся цокот копыт.

И перед охотниками предстал омытый лунным сиянием юноша. Словно сама ночь приняла человеческий облик.

Загадочное мерцание голубого медальона, висящего на груди незнакомца поверх черного плаща, не шло ни в какое сравнение с великолепием лица, полускрытого полями дорожной шляпы.

Натянув поводья, прекрасный юноша остановил лошадь. Он казался совершенно спокойным, точно простой путешественник, случайно проезжавший мимо, но одного взгляда на него хватало, чтобы понять, что он далеко не обычный странник.

— Ну и кто ты такой, черт побери? — прохрипел человек в черном.

От одной красоты всадника по спине уже бежали мурашки. Кроме того, этот парень только что отразил смертоносную атаку серпа, оттого-то хозяин клинка-полумесяца и говорил столь странным голосом.

Ответа не последовало. Юноша, очевидно, намеревался просто проехать мимо.

— Погоди, — воскликнул мужчина с посохом, пытаясь остановить незнакомца. — Ты, приятель, должно быть, один из охотников, которых пригласил тот старикашка. Но ведь и мы охотники. Может, мы были и не правы, задирая тебя, но, думаю, никому вреда не будет, коли мы представимся. Мы семья Маркус — я Нолт, второй по старшинству.

Сумеречный путник не спешил назваться.

— Это Кайл, наш младшенький, — продолжил Нолт, и человек в черном, враждебно сверкая глазами, даже не кивнул в знак приветствия.

— А тот верзила — наш старший братец Боргов.

Не успел еще брат договорить, как со стороны великана раздался резкий лязг. Клинок-серп, разломанный надвое, упал на землю в вихре серебристых хлопьев. Нет, рука гиганта не согнула его — стиснула. Окровавленную ладонь великан вытер о шею своей лошади, превращая шерсть в алый войлок.

— У нас есть еще один брат, но он болен и не способен передвигаться верхом. И наконец, Лейла, наша младшая сестренка.

— Приятно познакомиться, мистер Сжатые Губы.

Несмотря на более чем любезный тон, светлые кошачьи глаза Лейлы пылали враждебным огнем. Однако, едва путешественник повернулся к девушке, пламя это внезапно дрогнуло, заколебалось — и потухло.

— Братья Маркус? Я слышал о вас, — впервые за все это время заговорил незнакомец.

Бесстрастный голос его походил на звон железа, и, хотя этот голос не мог сравниться с немислимой красотой пришельца, никакой другой и представить было нельзя.

Впрочем, то, что он заговорил таким тоном, уже узнав имена встретившихся ему людей...

Братья Маркус считались самым умелым отрядом охотников на вампиров во всем Фронтире. Семья состояла из пятерых членов, а именно, по старшинству: Боргова, Нолта, Гровека, Кайла и Лейлы. Число аристократов, о которых они «позаботились», было уже трехзначным. Каким-то чудом никто из клана, странствующего по всему Фронтиру, до сих пор не погиб.

И в то же время не смолкала молва о жестокости и коварстве братьев.

Не существовало такого закона, что для каждого определенного случая следует нанимать лишь одного охотника на вампиров или лишь одну группу. Учитывая мстительность аристократов в случае неудачи, заказчик обычно приглашал нескольких специалистов или даже несколько отрядов.

Братья Маркус всегда шли до конца. Только они. Ни один человек, ни одна команда, работавшая с ними — или, если уж на то пошло, против них, — не выжили.

Трупы кого-либо из прочих охотников так и не были обнаружены, так что оставалось лишь верить, что смельчаков погубили аристократы. Но слухи распространяются со скоростью степного пожара, и сейчас зловещий шторм подозрений кружил над головами членов клана.

Как бы то ни было, никто не сомневался в их мастерстве как охотников. В конце концов, число аристократов, уничтоженных отрядом, ошеломляло.

Так что, когда остальные охотники слышали о клане Маркус, они испытывали одновременно и отвращение, и благоговейный трепет перед убийцами, которые не раз показали как свое мастерство, так и свою беспринципность.

По всей вероятности, братья впервые слышали, чтобы человек так спокойно произносил их фамилию.

— Знаешь, паря... — Боргов неожиданно скривился, — ...э-э-э, кореш... Слышал я о красавчике с голубой висюлькой. Лет десять назад один деревенский староста сказал, что во Фронтире есть лишь один охотник под стать нам. Что он, возможно, один будет покрепче нас всех, вместе взятых, и все такое... Но ты же не можешь быть...

Не ответив, молодой человек развернул коня. Казалось, он и внимания не обратил на стоящую перед ним шайку убийц.

— Эй, эй, погоди, — окликнул юношу человек с шестигранным посохом. — Мы отправляемся в погоню за кровопийцей, что умыкнул дочку старикашки. Если ты не с нами, ты против нас. Тебя это устраивает?

Тишина. Силуэты лошади и всадника поглотила тьма.

— Мы же не позволим ему уйти, а? — вспыхнула Лейла, но Боргов, казалось, не услышал возгласа сестры.

— Дампир... он ли это?... — ошеломленно пробормотал великан.

Ни разу еще младшие члены семьи не слышали, чтобы их старший брат говорил таким тоном. Или произносил столь загадочное имя.

— Вот я и встретил человека, которого по-настоящему боюсь... Ди.

А в тридцати милях к северу от деревеньки Вишну — селения, где всего через два коротких дня после нападения вампира истребили всех жителей...

Одинокая черная карета мчалась по узкой лесной тропе. И шестерка лошадей, влекущих ее, была черна как уголь, и возница на облучке кутался в черное. Экипаж казался порождением самой тьмы.

Безжалостно нахлестывая лошадей, возница то и дело поглядывал вверх.

Переполненные звездами небеса, казалось, вот-вот обрушатся. Бледный свет подрагивал на лице, обращенном к светилам. Утонченный лик неожиданно омрачился.

— Звезды движутся. Погоня... Шестеро. — Глаза возницы сверкнули. — И преследователи не просты... Каждый обладает сверхъестественным талантом... А один — в особенности...

Словно не справившись с волнением, он вскочил, да так, что затряслась вся карета.

— Я не дам им забрать ее! Никому не позволю.

Из широко распахнутых глаз лился свет. Кровавый свет.

Неожиданно что-то прервало монотонную песнь колес.

Правый передний обод с треском выскочил из колеи, и колесо слетело со ступицы. Под стон ветра карета резко накренилась и перевернулась, подняв тучу пыли.

Возница же продемонстрировал невероятную ловкость.словно акробат, бросив вожжи, он взмыл в воздух, ловко кувыркнулся и, восстановив равновесие, приземлился в нескольких ярдах от экипажа.

Чтобы тотчас же броситься к карете — с тревогой и отчаянием.

Он рывком распахнул дверь, заглянул внутрь, и беспокойство на его лице сменилось облегчением.

Глубоко вздохнув, он направился к железному колесу, откатившемуся шагов на тридцать от места крушения.

— Итак, удача отвернулась от меня слишком рано, — пробормотал возница, подняв колесо и возвращаясь к экипажу. Затем, вновь посмотрев на небо, он тихо проговорил: — Скоро рассвет. Похоже, придется укрыться в Убежище и следующей ночью заняться ремонтом. Что ж, времени достаточно, чтобы свора бродячих псов настигла нас.

Когда гребни гор, похожие на зубья бесконечной пилы, чуть выступили из мрака, пара всадников осадила лошадей. Они остановились на вершине высокого кургана.

— Худшего дерьма старина Боргов придумать не мог — надо же, заставил нас мчаться во весь опор посреди ночи. Засуетился, наложил в штаны — а было б из-за чего! — заявил человек в черном, махнув рукой.

Зеленая трава под его ногами всколыхнулась, словно отгоняя тьму.

В бледном, трепетном предрассветном сумраке казалось, что этот мужчина облачен в остатки ночи. Черная рубаха, черные штаны — неизменное одеяние Кайла, младшего из братьев Маркус. Его правую руку, плечо и грудь пятнали черные крапинки — брызги крови ночных зверей, которых братья убивали на скаку.

— Кажется, он велел тебе попридержать язык. Тот типчик не просто заурядный охотник. Ты тоже должен был слышать о нем, — откликнулся спутник Кайла, пытаясь урезонить необузданного младшего брата. Над головой его возвышался черный жезл. Это был Нолт, второй по старшинству.

— Ха! Хочешь сказать, что он вампир? — выплюнул Кайл. — Грязный полукровка, недочеловек и недоаристократ. О, конечно, все говорят, что из таких получаются лучшие охотники на вампиров, так? Но не будем забывать кое-что. Мы уничтожали настоящих, чистокровных аристократов!

— Во-во, тут ты прав.

— Если он полукровка, то больше похож на нас, чем на аристократов. Бояться нечего. Я уж не

говорю о том, что мы мчались всю ночь как угорелые, только чтобы он не настиг нас, но, коли ты меня спросишь, я скажу, что наш старшенький попросту перетрусил. Кто, кроме нас, стал бы скакать во Фронтире по лесу ночью?

Да уж, леса Фронтира ночами так и кишели чудовищами.

С тех пор как аристократия пришла в упадок, чудовищ в лесу стало меньше. Но чтобы углубиться в чащу до рассвета, надо было быть или полным идиотом, или человеком со стальными нервами и колоссальным опытом. Братья относились ко второму типу.

Потому-то Кайла так и взбесило приказание старшего брата отправиться в погоню ночью, чтобы юнец, которого они повстречали, не опередил их. А ведь ему тоже предстояло сразиться со множеством тварей, прежде чем он оказался на этом холме. Братьям удалось добраться сюда засветло лишь потому, что они уже проезжали тут прежде и разведали короткую дорогу через дебри.

— Ну, не знаю, — суховаато заметил Нолт, более склонный к размышлениям, чем младший брат. — Как-никак этот парень сумел отразить твой серп.

Кайл сердито зыркнул на братца, но тут глаза Нолта сверкнули.

— Лошадь... вот уж не думал, что это возможно.

Кайл потерял дар речи. Действительно, из чащи, которую они только что оставили позади, неся стук подкованных копыт.

— Ну, мы, допустим, знали, где срезать путь. Но этот сукин сын...

Мужчины переглянулись, и тут из леса, раскинувшегося внизу, выехал, рассекая тьму, всадник. Он направлялся к дороге. Братьям всадник показался темнее самой черноты.

— Точно, это он, и целехонький, — буркнул Нолт.

— От нас не уйдет, — отрезал Кайл.

Звонко шлепнули две пары пяток по бокам скакунов, и восемь копыт дружно ударили по земле, взрывая дерн.

Неистовые всадники бросились в погоню. Но дампир будто обернулся ночным демоном — даже поравняться с ним оказалось невозможно.

— Без фокусов, слышишь! — выкрикнул Нолт в спину несущемуся впереди Кайлу.

Они не могли позволить Ди обогнать их. Но даже если бы это случилось, братья не имели права приструнить наглеца. Боргов приказал им не нападать — причем самым строгим тоном, какой они когда-либо слышали от него.

Но в груди Кайла пылал неугасимый огонь злости. Он и прежде отличался неукротимой свирепостью нрава, теперь же и вовсе не владел собой. Ди отбил смертоносный клинок Кайла! Для молодого человека, верящего лишь в силу, подобное унижение было невыносимо. Ненависть, которую он испытывал к Ди, переросла в жажду убийства.

Правая рука Кайла потянулась к верному клинку-полумесяцу.

Однако...

Пара отказывалась верить своим глазам.

Юный всадник скакал не слишком быстро. Братья давно уже должны были нагнать его, но в действительности разве не оказывались они все дальше и дальше от цели?

— Сукин сын! — рявкнул Кайл.

Он безжалостно пришпоривал лошадь, но враг летел уже далеко впереди, дразня преследователей развевающимися полами черного плаща. Секунда-другая — и он уменьшился до размеров горошины, а потом и вовсе исчез из виду.

— Проклятие! Чертов ублюдок!

Резко натянув поводья, Кайл впился пылающим взором в точку на горизонте, за которым скрылась сумеречная фигура.

— Мы мчались всю ночь, и вот приехали... — горько уронил Нолт. — Похоже, просто так его не догонишь. Что ж, подождем Боргова.

Ветер вился вокруг него.

Волосы выбились из-под шляпы, широкие поля которой, казалось, текли, как чернила. Лунный свет рассыпал волшебные серебряные крупы по высокому лбу и точеному носу. Небо уже подернулось голубоватой дымкой, но месяц, отражающийся в бездонных глазах, сиял ярче, чем в мраке полуночи. Модифицированные кони-киборги в среднем развивали скорость до шестидесяти миль в час, но галоп его лошади посрамил бы их всех.

Ну что сказать о всаднике, добившемся чуда от стандартного скакуна, которого можно приобрести где угодно?

Дорога сузилась и исчезла, слившись с простором равнины.

Внезапно всадник натянул поводья. Лошадь резко осадилась — и застыла. Передние копыта, подняв тучу пыли, вросли в почву. Этот весьма жесткий метод торможения был не только эффективным, но и, мягко говоря, пугающим. А лунный свет, как и прежде, лился на плечи и спину всадника.

Облаченный в черное наездник бесшумно спешил. Нагнувшись, он принялся терпеливо и внимательно изучать следы на каменистой земле, но вскоре выпрямился и повернулся к ближайшей рожице. Этот всадник, наделенный красотой, пред которой бледнела сконфуженная луна, был не кто иной, как Ди.

— Значит, тут они отклонились от проторенной дороги. Что он задумал? — негромко пробормотал он.

Затем снова вскочил на лошадь и поскакал к деревьям.

Он исчез. Остались лишь лунный свет, озаряющий узкую тропу, да затихающее эхо от стука копыт.

Одна лишь луна ведала о том, что шестью часами ранее на этом самом месте возница в черном повернул свой экипаж. Неужели Ди отыскал следы кареты, отличив их от множества других

борозд, оставленных колесами электроавтобусов и прочих повозок, проезжавших тут днем?

Вскоре бледный месяц слился с посветлевшим небом, и его место заняло солнце.

Светило еще не достигло зенита, когда конь-киборг, мчавший без остановки все это время среди бескрайних лесов, вновь внезапно остановился.

Перед Ди лежали комья вывороченного суглинка. Именно здесь карета, потеряв колесо, перевернулась.

Ди за полдня нагнал тех, кто выехал на целые сутки раньше него. Конечно, аристократы были обречены спать при свете дня, а братья Маркус остались далеко позади. Но быстрота, с которой всадник настиг беглецов, и его способность безошибочно находить цель внушали страх.

Однако куда же исчезла карета?

Не слезая с лошади, Ди оглядел место поломки и легко коснулся пятками боков коня.

Медленно двинулся всадник ко взгорку впереди — и как не похож был неспешный шаг его коня на прежний стремительный аллюр.

Эта гряда земли едва ли имела право носить имя холма. Но стоило Ди подняться на вершину, и он был вознагражден.

Это строение казалось совершенно неуместным здесь. Оно напоминало гигантский стальной ящик шириной футов десять, длиной — тридцать и высотой — десять. Глянцевая черная поверхность, отражая яркие солнечные лучи, ослепляла.

Это было Убежище, упомянутое аристократом в черном.

Пусть вампиры и бессмертны, они все равно вынуждены спать днем. Хотя наука и подарила им разнообразные «противоядия», аристократам так и не удалось побороть адскую боль при попадании на тело обжигающих лучей. Агония вспыхивающих одна за другой клеток, тлеющей плоти, спекающейся крови, всех испаряющихся систем организма... Нет, даже хозяева земли вынуждены подчиняться законам собственной природы.

Тела вампиров, как известно, не поддаются уничтожению, но немало испытуемых, проведенных на солнце более десяти минут, сошли с ума от нестерпимой боли; пять минут — и объект остается изуродованным и утрачивает регенеративные способности. И, вне зависимости от последующего лечения, никогда больше не восстанавливается.

Но в эпоху процветания аристократов это мало что значило.

Сверхскоростные трассы, ведущие в самые отдаленные уголки Фронтира, аэродинамичные машины и прочие ухищрения сформировали совершенно безопасную транспортную сеть, а крупные энергообразующие предприятия, воздвигнутые в Столице и вокруг нее, обеспечивали автобусы и грузовозы почти неисчерпаемым запасом мощности.

А потом начался упадок.

Под напором приливной волны человечества все созданное аристократами было разрушено, разломано на части, превращено в руины. Даже могучие заводы с их отличными защитными

системами не устояли перед разрушительной силой человечества.

В столичном регионе ситуация еще не была столь ужасной, но аристократы сектора Фронтيرا лишились абсолютно всех средств передвижения. И хотя многие вампиры, предвидя наступление суровых времен, обеспечивали свои области необходимым транспортом, даже они в конце концов утратили энтузиазм и перестали поддерживать существование сетей.

Но и сейчас по равнинам, влажным от предрассветной росы, бежали серебристые рельсы, а где-то в громадных подземных туннелях покоились остовы автоматических сверхскоростных аппаратов.

Прежде чем кареты стали единственным средством передвижения, частенько случались катастрофы, вызванные потерей радиолокационного управления или перебоями в подаче электроэнергии.

Для людей же, которым приходилось учиться пользоваться мудреным оружием аристократов или взламывать транспортную защиту собственными — изобретенными впопыхах — средствами, застигнутые в пути и обездвиженные дневным светом вампиры становились идеальными жертвами.

Вняв настоятельным требованиям Фронтيرا, аристократическое правительство Столицы, где сосредоточились последние силы вампиров, возвело в стратегических точках транспортной сети специальные защитные сооружения.

Так называемые Убежища.

Под металлизированным покрытием скрывалась плита дюймовой толщины: Убежища выдерживали выстрел в упор из небольшой атомной пушки и обладали обширным арсеналом защитных механизмов, готовых в любой момент ликвидировать человечью мошкарку, суетящуюся поблизости с кольями и молотками в хилых лапках.

Но Убежище можно было назвать идеальным укрытием по одной простой причине...

— Входа нет... — пробормотал Ди.

И точно. На угольно-черных стенах, отражающих белое излучение солнца, не было ни трещинки — хотя бы и с волосок толщиной.

Ди молча возвел очи к небесам — и решил спуститься с холма.

Лучи весеннего солнца, должно быть, безжалостно обжигали дампира и причиняли беспримерную муку. Одни лишь дампиры могли сражаться с аристократами на равных ночью, но, чтобы заслужить титул охотника на вампиров, требовалась способность оставаться бесстрастным в палящем аду дня.

Когда Ди приблизился к Убежищу, воздух вокруг него чуть слышно застонал — и тут же умолк.

Медальон на груди дампира засиял еще ярче. Его загадочная энергия имела способность прерывать работу любой электронной аппаратуры аристократов.

Спешившись перед черным монолитом, Ди прижал к его поверхности левую ладонь — и трепет объял охотника. Особый металл, вероятно, обладал и особой температурой: видимо, для того, чтобы не пропускать внутрь никаких видов тепла, никаких электроволн, никаких

молекулярных или атомных излучений.

Рука Ди медленно заскользила по гладкой поверхности.

Покончив с фронтоном, он перешел к правой стене. Ее осмотр занял около получаса.

— Шиш, — буркнул раздраженный голос откуда-то из пространства между сталью и ладонью.

Ди двинулся к задней стене, и тот же голос тяжело вздохнул. Если бы кто-то стал свидетелем этой странной сценки, он, несомненно, выпучил бы глаза от удивления, но Ди молча продолжил свою работу.

— М-да, этот металл — крепкая штучка. То, что внутри, видится смутно, хотя, в общих чертах... Атомная супертермокамера направляет энергию непосредственно в железо. Невозможно проникнуть сквозь стены, не уничтожив реактор, но, чтобы уничтожить реактор, надо сперва проникнуть сквозь стены. Итак, что было первым: курица или яйцо?

— Сколько их внутри? — спросил Ди, не отрывая руки от стены.

— Двое, — последовал быстрый ответ. — Мужчина и женщина. Но даже я не могу сказать, аристократы они или люди.

Коротко кивнув, Ди отнял ладонь от третьей стены.

Теперь осталась лишь левая поверхность.

Но, ради всего святого, чем он все-таки занимался? Судя по тому, что сказала незримое существо, охотник изучал внутреннее пространство Убежища. Но для чего? Ведь голос объяснил, что разрушить внешнюю оболочку невозможно.

Где-то на середине стальной панели левая рука застыла.

— Есть, — равнодушно уронил голос.

Ди приступил к действию не теряя времени. Не отрывая от металла левой руки, он чуть отступил, правой потянувшись за мечом Извлеченный из ножен клинок захлебнулся солнечным светом.

Заведя руку с мечом далеко за спину, Ди устремил взгляд в одну точку — точку, находящуюся между большим и указательным пальцами его левой руки.

Но что же он видел там? Чудовищная, слепящая ярость сконцентрировалась между обнаженным острием клинка и сталью, и...

Белый свет пронзил черную стену.

Это устремился вперед меч Ди. Впрочем, сколь ни остер был его клинок, разве мог он пробить особую сталь внешней панели? Однако, так или иначе, изящно изогнутое лезвие наполовину погрузилось в неприступную твердыню.

Вход. Меч Ди вклинился в брешь между дверью и стеной, неразличимую невооруженным взглядом. Какая волшебная сила позволила левой руке Ди обнаружить ее? И как острие меча проникло в этот мельчайший зазор?

— Ого! — воскликнул голос, доносившийся из левой руки Ди. — Вот это сюрприз. Один из них человек.

Кажется, невозмутимый охотник встревожился.

— У них есть благовоние временной ловушки? — спросил он.

Этот препарат, изобретенный аристократами, создавал днем иллюзию ночи.

— Не знаю, но второй не шевелится. Мертвец, по крайней мере при свете.

— Значит, девушка в порядке? — пробормотал Ди.

Она, конечно, наверняка уже укушена хотя бы раз, но в таком случае гибель виновника возвратит ей человеческую природу. Почему тогда тень омрачила на миг черты Ди?

Мускулы руки, сжимающей рукоять меча, медленно напряглись и затвердели. Неизвестно, какое мастерство тут потребовалось, но стоило клинку чуть повернуться, и по стальной поверхности побежала тонкая трещина.

И тотчас же наружу хлынул голубой свет.

Ди окаменел — и молча поднял голову. Холодные глаза его не отражали ни малейших эмоций.

— Раньше, чем ожидалось, — произнес чей-то голос, добродушно, как будто даже шутливо. — И совсем не тот, кого ожидали.

В лесу что-то слабо забрезжило, а потом на гребне холма вспыхнуло алое пятно.

С шумом и ревом одноместная боевая машина в мгновение ока достигла подножия склона.

Самоходка представляла собой продолговатую стальную платформу, водруженную на четыре непропорционально больших колеса с непробиваемыми шинами. Агрегат был также оснащен мощным атомным двигателем и системой передач. Внешний облик этого творения рук человеческих, позаимствовавших кое-какие механизмы аристократов, едва ли мог доставить эстетическое наслаждение. Топливная труба с заметными швами от сварки вилась, точно змея, к установленному позади мотора атомному реактору, защищенному клепанной железной пластиной, а простенький рычаг управления бесхитростно торчал прямо из пола. Суставчатые, словно ножки богомола, рулевые тяги, идущие к дискам колес, да и все остальные детали, коли уж на то пошло, — покрывал толстый слой грязи и копоти. Вероятно, это были выбросы реактора.

Впрочем, больше, чем внешний облик самоходки, внимание привлекали ее вооружение и ее водитель. С правой стороны над двигателем возвышался ствол семидесятимиллимитровой безоткатной пушки, чье черное жерло сейчас смотрело прямо на Ди, а с левой — пустому небу угрожала двадцатимиллиметровая ракетница. Естественно, снаряды были оснащены теплоискателями, и жертву их ничто не спасло бы от неминуемой смерти. И наконец, над реактором, выставив похожее на синий кувшин дуло, возвышался ядерный бомбомет — базука с немислимой убойной силой.

И все же, несмотря на обилие тяжелого оснащения, какое не найдешь на обычной боевой машине, эта самоходка легко могла развить скорость до семидесяти пяти миль в час.

Передвигалась она практически по любой местности, а благодаря пружинной подвеске в три

четверти дюйма толщиной преодолевала худшие из дорог: эдакий юркий, миниатюрный бегемот.

С места водителя поднялась девушка в алом и сдернула с лица огромные шоферские очки. Голубые пылающие глаза остановились на Ди. Ветер растрепал светлые волосы, позаимствовав на миг их золотистый оттенок. Это была Лейла, младшая сестра братьев Маркус.

— Итак, вот мы и встретились снова, — произнесла она.

Ярко-красный цвет ее комбинезона наводил на мысли об агрессии — и действительно, вся она излучала ярость. Стройное тело девушки, трясущееся под беспрестанный рев двигателя, казалось, передегивалось от ненависти к Ди.

— Ты, может, и думаешь, что победил моих старших братьев, но, пока я рядом, тебе не опередить наш клан. Похоже, я наткнулась на тебя в нужный момент. Моя добыча тут?

Это об аристократе девушка говорила как о «своей добыче». Слова она выплевывала с беспредельной самоуверенностью и злобой.

Ди продолжал стоять неподвижно, как статуя, с мечом в руке.

— Прочь с дороги! — приказным тоном крикнула Лейла. — К несчастью для моей добычи и к счастью для тебя, у них не оказалось ничего, кроме сломанного Убежища. Но теперь я поймала удачу за хвост, спасибо. И если тебе дорога твоя жизнь, лучше уноси ноги подобру-поздорову.

— А если не дорогá, то что?

От спокойного голоса Ди щеки девушки заалели, как ее комбинезон.

— Что-что? Ты действительно желаешь потягаться с Лейлой Маркус и ее боевой машиной?

— У меня две жизни. Бери любую. Если получится.

Бесстрастный тон, ни разу не изменившийся с того момента, как Лейла впервые услышала охотника, заставил девчонку-сорванца умолкнуть. Она медлила.

Лейла еще не осознала, что клинок пронзил стену Убежища лишь благодаря тайному искусству Ди. С самого начала ей и в голову не приходило, что какое-либо живое существо способно на подобную ловкость. Не зная об истинной силе Ди, девушка колебалась, смущенная порывами собственного сердца, о которых она до сих пор не подозревала.

Человек в черном, застывший слева от нее, ошеломлял. Точно загадочное зелье, присутствие его завораживало — и это оскорбляло девушку до глубины души. Словно желая подавить сердечные порывы, Лейла резко вернула очки на место.

— Плохо, очень плохо. В таком случае мы, Маркусы, поступаем так!

Фигура в алом плюхнулась на сиденье, и двигатель взвыл с новой силой. Девушка нарочно обходилась без глушителя — чтобы восстанавливать против себя неприятелей. Чуть только руки ее стиснули руль, массивные колеса принялись подминать под покрышки траву. Машина не просто спускалась со взгорка — она едва не летела, выворачивая колесами комья земли. Скорость самоходки казалась немислимой.

А неслась она прямо на Ди.

Охотник не двигался.

Жуткий звук всколыхнул воздух — запахло тухлой рыбой. Запах сопровождался дымом — белые струйки поднялись над оплавленными шинами, когда машина остановилась в считанных дюймах от Ди.

— Ну, теперь ты прочувствовал? Я иду! — Истерические возгласы были еще одной попыткой сбросить с сердца тяжесть.

Лейла отпустила педаль газа и ударила по тормозам за долю секунды до того, как самоходка сокрушила бы соперника. Но почему Ди даже не дрогнул? Казалось, он видит девушку насквозь — ее сомнения, ее колебания.

Не промолвив и слова, юноша вытащил меч. Лезвие освободилось слишком уж легко. Без лишних движений убрав клинок в ножны, Ди повернулся.

— Ну, то-то же. Стоило поступить так с самого начала. Избавил бы нас обоих от неприятностей.

Лейла следила за Ди, пока тот не взобрался на холм и не исчез по ту сторону вершины. А секундой позже кошачьи глаза девушки сузились.

Земля, тяжело застонав, покачнулась. Весящую больше тонны боевую машину, как перышко, швырнуло в воздух, ударило оземь и снова подбросило.

С уходом Ди защитные системы Убежища пришли в действие.

Непостижимо, но Лейла не утратила выдержки. Одной рукой она стискивала руль — но и только. Во время всего безумного танца самоходки девушка держалась неизменно прямо — она стояла как приклеенная.

Сесть на свое место — место водителя — Лейла ухитрилась на лету.

Мотор оглушительно взревел. Голубое пламя вырвалось из задних форсунок, и дым сгорающего топлива повалил из выхлопных труб с обеих сторон двигателя. Боевая машина завелась в воздухе.

Бомбомет над двигателем развернулся, нацелившись на Убежище. Дико трясущаяся земля не мешала ему.

Воздух окрасился синим.

Крыша Убежища откинулась, выпустив на волю лазерную пушку. Из пушки вырвался алый луч. Скользя по обтекаемому боку машины, он превратил участок земли в жидкое стекло.

Если это оружие контролировал радар, повод для тревоги определенно имелся. Второй и третий выстрелы пушки, славящейся своей меткостью, ушли в молоко: цель ускользала то влево, то вправо, то вперед, то назад.

Водительское мастерство Лейлы превосходило оперативность электронных устройств.

Сколько она себя помнила, отец всегда внушал ей, как важно совершенствовать ее навыки управления всем механическим. Между прочим, по слухам, отец умел улучшать генетику...

Как это ни смешно, таланты Лейлы проявляли себя только в том, что касается видов транспорта. Будь то машина или нечто наделенное подобием жизни вроде коня-киборга, под ее умелыми прикосновениями механические повозки словно взмывали на новый уровень существования. «Дайте ей двигатель и пару колес, и она соорудит авто», — с уважением говаривал отец семейства. В вождении девушка намного превосходила братьев, и лишь старший, Боргов, мог кое-как с ней тягаться.

А как Лейла любила свою боевую машину! Ее собрали из частей, найденных на свалках во время путешествий клана. Некоторые детали доставались даже из развалин жилищ аристократов, когда предоставлялась такая возможность. Девушка буквально забывала есть и спать, создавая свою самоходку, — и вот одним зимним утром боевая машина предстала в полной красе под слабыми мутными лучами рассвета. С тех пор минуло два года. Лейла обожала машину, как мать обожает дитя, толкающееся ножками у нее в животе, и научилась управлять ею с поистине сказочной ловкостью.

И вот теперь, на этом пятачке земли у подножия холма, девушка демонстрировала все свое мастерство. Уклоняясь от атак электронных устройств, самоходка петляла в воздухе, а когда в непрерывном лазерном обстреле вдруг возникла секундная пауза, из бомбомета вырвался серебряный луч.

Это был жидкий металл. Молекулярная структура железа, выброшенного со скоростью звука, изменилась; пятирядовое копье вонзилось в основание лазерной пушки. Лазер погас. А Лейла, кривя окровавленные искусанные губы в ухмылке, направила ствол бомбомета на стену Убежища.

И вдруг цель потеряла четкость. Точнее, машина рухнула. Почва вокруг Убежища как будто превратилась в трясину, и самоходка зарылась носом в грязь.

Утратив былую выдержку, Лейла разразилась бесшабашным, чуть истеричным хохотом.

Задние форсунки повернулись с хриплым визгом, изрыгнув пламя. Огонь побежал по бокам машины, пожирая каменистую землю, вознамерившуюся проглотить нос самоходки. Колеса закрутились что было мочи, поднимая тучи пыли, и боевая машина вылетела из ямы задним ходом. Развернулась она, не успев еще коснуться земли, и бомбомет хлестнул по Убежищу серебряным светом.

Но огонь разделился надвое, а потом рассыпался бесчисленными искрами. Даже мастерство Лейлы не уберегло бы ее от этого града шрапнели.

Однако...

Обретя под собой почву, боевая машина продолжала нестись прямо в центр шторма металлических частиц — встав на дыбы, на одних только задних колесах. Кромсающие тьму осколки тонули в брюхе самоходки.

Лейла, как сумасшедшая, во весь опор гнала машину на вершину холма.